Андрей Портнов

ПАМЯТЬ И ПАМЯТНИКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В БЕЛАРУСИ, МОЛДОВЕ И УКРАИНЕ: НЕСКОЛЬКО СРАВНИТЕЛЬНЫХ НАБЛЮДЕНИЙ

Abstract

In all three countries described in this article, the Second World War remains one of the central questions of the politics of memory and forgetfulness. Compared to Belarus and Moldova, Ukraine has a particular trait: its rich regional diversity of models of memory and continuity (beginning in 1991) in the textbook scheme of history. The most radical changes in textbooks have taken place in Belarus. In Moldova, the struggle surrounding the history curriculum in schools (to be more specific, the very name of the subject) has attested to the highest potential of social mobilization. The main common denominator of development in these three countries lies in the fact that one day the sole Soviet myth of the "Great Patriotic War" will give way to nationalization (even if by an emphatically communist or "anti-nationalist" government) and adaptation to local expectations and needs. The trajectories of Belarus, Moldova, and Ukraine (of course, without losing sight of fundamental differences) may be described most generally as movement away from single national schemes, through re-Sovietization of varying intensities, to a search for models of a political nation and civic identity.

«Великая Отечественная война советского народа против немецко-фашистских захватчиков» в конце 1960-х гг. фактически сменила «Великую Октябрьскую социалистическую революцию» как основополагающий миф советского строя. Начиная с 1965 г. 9 мая стало официальным государственным праздником. Тогда же появилась категория «городов-героев», была выпущена юбилейная медаль и начато создание мемориально-музейных комплексов по всему СССР. В частности,

в роли знакового места для Беларуси утвердилась Брестская крепость, в Киеве неподалеку от Киево-Печерской лавры появился огромный монумент «Родина-мать». Многочисленные литературные произведения, кинофильмы (нередко шедевры жанра) создали образцовую картину войны с соответствующими акцентами и фигурами умолчания. Сакрализация жертв (чрезвычайно метко обозначенная в поэзии Булата Окуджавы как «одна на всех Победа», ради которой «мы за ценой не постоим»), неразрывно связанная с чувством гордости за страну, была одновременно легитимизацией режима и правящей партии, без «руководящей роли» которой, конечно же, Победа была бы невозможна.

При этом официальная память о войне не только отодвигала на третий план, но и фактически репрессировала локальные памяти. В частности, в очерченных ее границах не было места для холокоста евреев и ромов (которые принципиально не выделялись из общих «мирных жертв фашизма») и, тем более, для депортаций десятков национальных групп, осуществленных в 1944 г. В тематическом репертуаре этой памяти не могло быть места и для преступлений советских войск в освобожденной в 1944–1945 гг. Европе, и для обсуждения «цены Победы» – отношения советского командования к жизни рядовых солдат, и для многих сторон жизни под оккупацией, и репрессий на бывших оккупированных территориях после восстановления там советской власти.

В то же время роль и влияние Второй мировой войны на развитие постсоветских стран не ограничивается силой советской идеологической схемы. Современная Европа и ее восточная часть в том числе, во многом является геополитическим, культурным, экономическим продуктом Второй мировой войны. В частности, вся территория современных Беларуси, Молдовы и Украины были оккупированы нацистами. Послевоенные изменения границ и «обмены населением» (конечно же, в последнем случае мы имеем дело с эвфемизмом, скрывающим практики, которые уместнее описать как «этнические чистки»), опыт повторного прихода советской власти и осуществленных ею репрессий до сих пор оказывают ощутимое влияние на развитие этих стран.

Распад Советского Союза, который был вызван как стремительными дезинтеграционными процессами в центре, так и эмансипационными движениями в республиках, поставил перед каждым из постсоветских государств серию чрезвычайно непростых вопросов. Одним из них явилась необходимость создания новой государственной идеологии, новой схемы истории, позволяющей легитимизировать постсоветское политическое устройство. Ответы на этот вызов в разных странах варьировались в зависимости от внутренней и геополитической ситуации, процентного соотношения национальных и религиозных групп населения, воли и ответственности конкретных политических сил и деятелей. Одну из сложнейших головоломок в области того, что на переломе XX и XXI веков начали называть «политикой памяти», представлял унаследованный от СССР миф «Великая Отечественная война».

Беларусь

Важнейшая особенность Беларуси состояла в фактическом отсутствии националистического подполья, которое бы противостояло советской системе. Наоборот, достаточно массовое после Сталинградской битвы партизанское движение было в советское время мифологизировано как «всенародное» и отображено в метафоре «Беларуси партизанской». В постсоветское время отсутствие социальных групп со сформированной и отличной от советского нарратива памятью о войне превратилось в слабость предпосылок для плюрализации исторической схемы[1].

Тем не менее, в первых белорусских учебниках истории, изданных в начале 1990-х, предприняты серьезные шаги по реконцептуализации советского образа войны. В частности, в них упоминались советско-германские договоренности 1939 г., появился термин «Вторая мировая война» (который использовался активнее, чем «Великая Отечественная») и совершенно исчез термин «советский народ», шла речь о просчетах и ошибках советского руководства, исчез тезис о «руководящей роли» Компартии в организации сопротивления, «массовая борьба» пришла на смену «всенародной», впервые упоминались случаи грабежа и насилия над мирным населением со стороны советских партизан[2].

Практически сразу после избрания Александра Лукашенко президентом, наряду с восстановлением советской символики как официальных символов Республики Беларусь, было принято решение об изъятии из школ белорусских учебников и замене их советскими. Однако поскольку последних уже физически не было в необходимом количестве, замена учебной литературы была произведена в 1996–1997 гг.

В изданном в 2000 г. учебнике фактически восстановлены советские мифологемы «воссоединения» Беларуси в 1939 г., широко использовался термин «Великая Отечественная война» и «всенародная борьба», оккупационный нацистский режим и все формы сотрудничества с ним изображались однозначно негативно. В то же время, в отличие от советского учебника, «Великая Отечественная война» изображалась как часть «Второй мировой», что само по себе уже сигнализировало адаптацию дискурса к постсоветским реалиям.

Накануне 60-летия Победы, наряду с целым рядом государственных мероприятий (от амнистии до создания новых мест памяти), было принято решение о введении во всех средних и высших учебных заведениях Беларуси факультативного курса «Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны)». Президент Лукашенко максимально воспользовался юбилеем для легитимизации своего режима и недвусмысленно поставил «Великую Отечественную войну» в центр государственной идеологии.

Лукашенко обозначил войну как «смысловый пункт нашей истории», в котором «наиболее рельефно проявились величественный дух белорусского

народа, его свободолюбивая сущность и историческая мудрость»[3]. Последовательно подчеркивая огромный вклад белорусов в победу над нацизмом (в этом контексте охотно упоминается 3 миллиона жертв населения республики), Лукашенко назвал белорусов «самым интернациональным народом» и отметил, что в основе «наших сегодняшних успехов» лежит «дух непокоренного народа, который вместе с другими народами Советского Союза внес решающий вклад в спасение человечества от коричневой чумы». Последняя цитата взята из поздравления президента с Днем Независимости, который является одновременно Днем освобождения Минска.

Наиболее заметным и контроверсионным коммеморативным мероприятием к 60-летию «Победы советского народа в Великой Отечественной войне» стало открытие историко-мемориального комплекса «Линия Сталина». Речь идет о цепи оборонительных сооружений, возведенных в 1928–1939 гг. и не сыгравших заметной роли во время Второй мировой войны. Последнее обстоятельство, как и то, что «Линия Сталина» суть неофициальное условное название, которого при желании можно было легко избежать, позволили высказать предположения, что именно фигура «отца народов» является ключевой во всем замысле. Формально инициатором создания комплекса стал благотворительный фонд «Память Афгана», но поддержка проекта со стороны президента Лукашенко не только не отрицалась, но подчеркивалась. «Линия Сталина» была торжественно открыта 30 июня 2005 г. Ее официальный сайт (www.stalin-line.by) в своих немногочисленных текстах содержит основные перлы слегка модернизированной лексики «молодежно-патриотической» периодики 1970-х. В частности, на сайте можно узнать, что комплекс «создавался методом народной стройки», а «основная тяжесть труда по созданию музея легла на плечи подразделений инженерных войск Республики Беларусь». И апофеоз: «Подойдите к доту. Прикоснитесь к нему руками, и вы услышите рокот «максима», запах пороха и звон гильз, падающих на бетонный пол».

«Линия Сталина» позиционируется ее дирекцией как музей, «место семейного отдыха» и место проведения корпоративных вечеринок *одновременно*. В списке предлагаемых посетителю *развлечений* (другое слово здесь было бы проблематично): лодочная прогулка по озеру; «наваристая солдатская каша» в кафе «На привале»; пневматический тир, в котором можно «стать «ворошиловским стрелком»; катание на бронетехнике; возможность «испытать настоящее оружие времен Великой Отечественной войны». Любопытно, что сам такой подход (даже если его авторы этого не осознают) разительно расходится с декларируемой советской стилистикой сакрализациеи мест памяти и напоминает о торжестве массовой культуры.

История с сооружением в Минске памятника маршалу Георгию Жукову вышла менее триумфальной. Памятник планировался как 4,5-метровая конная статуя (первый конный монумент в столице Беларуси), которая должна была

быть установлена напротив Дома офицеров неподалеку от давно стоящего танка, первым ворвавшегося в город в 1944 г. На установку конной статуи была собрана соответствующая сумма, когда власти вдруг высказали мнение, что выбранное для памятника место неудачно. Пока искали иное место, инфляция съела значительную часть денежной суммы, и конный вариант отпал сам собой. Вместо него запланировали 7-метровый бюст маршала, который затем превратился в метровый (правда, на высоком, в советском стиле, постаменте высотой 4 метра), который и был торжественно открыт на Железнодорожной улице весной 2007 г.

В 2006 г. в белорусские школы впервые поступил учебник истории на русском языке, написанный тем же Владимиром Сидорцовым, который в 1993 г. издал учебник, описанный выше[4]. На этот раз автор, ориентируясь на новые ожидания властей, представил «воссоединение» 1939 г. в полностью позитивных тонах, вернул в текст «руководящую роль» Компартии и «всенародную борьбу». В то же время учебник 2006 г. впервые упомянул термины «холокост» и «остарбайтеры», и даже предпринял «осторожное обращение к национальному дискурсу при полном преобладании советского подхода»[5]. Принимая данную оценку Алеся Смоленчука, стоит еще раз обратить внимание на сам факт *неизбежного* (пусть и очень фрагментарного) переформулирования советского нарратива в постсоветских условиях.

Логику Лукашенко при обращении и максимальной эксплуатации мифа «Великой Отечественной войны» можно описать как понятное стремление опереться на существующий символический ресурс, тем более учитывая ожидания большинства его избирателей. Гораздо более серьезным вызовом для его режима оказалась необходимость внесения в этот миф осторожных, но существенных корректив. Главным мотором таких корректив стал новый социальный контекст использования советских мифов. В этом ключе чрезвычайно любопытной и малоизученной представляется тема отличий в репрезентации и восприятии войны жителями современных Беларуси и России.

Как о примере таких корректив упомяну осторожный переход от концепта «Победы советского народа» (из указов Президента к 60-летию «Великой Отечественной войны») к Победе белорусского народа, «который вместе с другими народами Советского Союза внес решающий вклад…». Это изменение очень тонкое, но тем более важное в контексте усилий по формированию «белорусской политической нации» (полностью отдаю себе отчет в условности и обманчивости этого определения).

Молдова

Главной особенностью политик памяти в постсоветской Молдове остается конфликт «румынской» и «молдавской» интерпретаций идентичности населения республики[6]. Другими словами, вопрос о том, составляют ли молдаване

отдельную нацию (как убеждала советская пропаганда) или являются частью румынской нации? после распада СССР неминуемо приобрел жесткие политические коннотации.

Как и в остальных бывших советских республиках, в начале 1990-х преобладал эмансипационный дискурс, окрашенный в национальные тона. При президенте Мирча Снегуре (1991–1996) был начат постепенный отход от советского символического нарратива в пользу румынского. Важнейшим символом такой трансформации стало восстановление в Кишиневе памятника Стефану Великому и массовый демонтаж монументов Ленина, а также обращение к формуле «два государства – одна нация».

Однако, как и политику Шушкевича в Беларуси или Кравчука в Украине, линию Снегура уместно рассматривать, скорее, в контексте ситуативного реагирования на изменчивый внутренне- и внешнеполитический контекст, нежели как последовательную политику «национализирующего государства» (в терминах Р. Брубейкера). Уже 5 февраля 1994 г., выступая на собрании «Наш дом – Республика Молдова», Снегур вернулся к концепту «молдавской нации», а в новой Конституции страны был зафиксирован принцип «два государства – две нации»[7].

Президент Петру Лучински (1996–2001) продолжил движение в направлении «молдовенизма» и предпринял шаги к выведению генеалогии постсоветской Молдавии из державы Стефана Великого. После победы в 2001 г. на парламентских выборах Коммунистической партии в Молдове начинается массовая реставрация памятников «советских воинов-освободителей», «День Независимости» превращается в «День Республики», выдвигается тезис о «многонациональном молдавском народе» и параллельно маргинализируется символика, ассоциируемая с румынской идентичностью. В декабре 2001 г. правительство приняло решение заменить школьный курс «Истории румын» «историей Молдавии», реакцией на которое стал трехмесячный митинг протеста в Кишиневе.

В 2001 г. в Молдове впервые на наивысшем уровне праздновали День Победы, причем в преимущественно советский ритуал была включена статуя Стефана Великого, дабы подчеркнуть «историческую преемственность» молдавской государственности[8]. Иными словами, и в этом случае советский нарратив «солнечной Молдавии» приспосабливается под новые условия путем добавления одних сюжетов и переакцентации других. На уровне локальных сообществ и местной памяти «одомашивание» советских памятников нередко происходит путем их идеологического переформулирования – в частности, в селах люди часто заменяют красные звезды христианскими символами[9], тем самым создавая близкий им образ войны.

Обоснованным представляется вывод Владимира Солонари, что в социально-культурных условиях постсоветской Молдовы ни коммунистический, ни националистический нарратив не в состоянии предложить содержательную и

неантагонистическую визию молдовской истории и идентичности, которая бы способствовала формированию современной идентичности[10]. В то же время нельзя не обратить внимание на то, что коммунистический нарратив активно использует традиционалистские и националистические категории для самолегитимизации (ярчайший пример – постулирование преемственности средневековой молдавской державы, Бессарабии в составе Российской империи, Молдавской автономной ССР в составе Советской Украины и Молдавской ССР, созданной в 1940 г.). Однако при этом его основополагающим Другим является румынский национальный проект.

Украина

В украинском национальном нарративе, который, начиная с 1990-х гг., был наиболее последовательно внедрен в школьные учебники, коммунизм, как и Российская империя – это, прежде всего, *внешние* силы, насильно включившие Украину в свою орбиту. В такой перспективе Украина, действительно пострадавшая от тоталитаризма, отрицает свое участие в его создании, и желает видеть себя жертвой внешней агрессии[11]. Отражением этого механизма является болезненность (даже в академических кругах) вопроса о украинизационном потенциале советской власти, о роли СССР в создании границ УССР и этнизации политического пространства республики. Для постсоветской Украины особо важна преемственность (пусть и достаточно иллюзорная) с досоветскими формами украинской государственности. Именно поэтому Леонид Кравчук в 1993 г. принял президентские регалии от главы Украинской Народной Республики в изгнании (ведущей преемственность от Украинской Народной Республики 1917–1921 гг., уничтоженной в Украине большевиками) Мыколы Плавюка.

Однако полное вынесение советского за рамки легитимного образа прошлого было невозможно, учитывая и настроения значительной части населения (в сознании которого «советское» фигурировало как время благополучия, социальных гарантий и стабильности), и внешнеполитическое давление России. Исторический сюжет, требовавший пусть и избирательной, но интеграции в официальный нарратив – «Великая Отечественная война». Основной стратегией интеграции войны в новую официальную схему стала ее гуманизация, переключение внимания на частную историю, подвиг и страдания «обычных людей», при одновременном акцентировании ошибок и жестокости советского руководства и военачальников. Показательно, что даже в Западной Украине, наряду с массовым возникновением мемориалов националистическому подполью, памятники советским солдатам не демонтировались и не подвергались вандализму. Их десоветизация и адаптация к новым условиям нередко происходила путем достройки скульптуры Божьей Матери, оплакивающей павших (как, например, было сделано в прикарпатском Славском).

В отличие от Беларуси, в Галиции и на Волыни до начала 1950-х гг. действовало очень сильное националистическое подполье. Проблема включения в новую версию войны деятельности Организации украинских националистов (ОУН) и Украинской повстанческой армии (УПА) решалась акцентированием ее противостояния с немцами, «демократической» эволюции националистического движения после 1943 г. и замалчиванием антипольской акции на Волыни и участия в нацистской политике уничтожения евреев. Причем в представлении истории УПА гораздо слабее, чем в истории советских войск, присутствовало противопоставление героизма рядовых членов движения и самой природы исповедуемой его руководителями идеологии. Целью простых украинцев, воевавших по разные стороны фронта, провозглашалась процветающая и свободная Украина, что после 1991 г. должно было создавать предпосылки для примирения ветеранов. При этом все попытки официального признания участников националистического подполья ветеранами войны и реабилитации УПА на государственном уровне закончились неудачей, из-за чего эта проблема перешла в разряд «вечных» тем постсоветской Украины.

С начала 1990-х гг. Галицию и Волынь (которые нередко отождествляются со всей «Западной Украиной»[12]) накрыла волна памятникотворчества. Излюбленным героем стал Степан Бандера – лидер радикального крыла Организации украинских националистов. 25-летний Бандера был одним из организаторов убийства министра внутренних дел Польши Бронислава Перацкого (1934). Польский суд присудил его к смертной казни, замененной на пожизненное заключение. Начало Второй мировой войны и распад Польши подарили Бандере свободу. 30 июня 1941 г. возглавляемая Бандерой ОУН провозгласила во Львове «возрождение украинской государственности», после чего все лидеры организации были арестованы немцами. Таким образом, войну Бандера пережил в лагере Заксенхаузен, откуда был освобожден войсками союзников. После завершения войны Бандера жил в Австрии и Германии, по-прежнему возглавляя радикальное крыло ОУН. В 1959 году он был убит советским агентом. Собственно прославился именно деперсонифицированный Бандера-символ, ставший именем нарицательным украинских националистов («бандеровцы», «бандеры»). Постсоветская канонизация Бандеры, наиболее заметная в Восточной Галиции, выступает одним из ярчайших примеров внешнего разрыва с советским идеологическим каноном (в котором Бандера был, пожалуй, антигероем № 1).

В 1990-е г. памятники Бандере поставили во многих галицийских городах, однако во Львове его долгое время не было. Возможно, одной из причин было то, что более насущной задачей для Львова стало установление памятника Тарасу Шевченко. Львов был едва ли не единственным большим городом Украины, где в советское время так и не поставили монумента «Кобзарю», как известно, интегрированному в канон «извечной дружбы с Россией». Бронзовый Шевченко появился во Львове на проспекте Свободы в 1992 г. приблизительно на том же

месте, где раньше стоял памятник польскому королю Яну Собескому (в 1950-м он был вывезен в Гданьск, где стоит до сих пор), а затем Ленину.

О памятнике Бандере во Львове заговорили с начала 1990-х и тогда же определили для него место – площадь Кропивницкого, неподалеку от железнодорожного вокзала и неоготического костела св. Елизаветы начала XX века. В 2002 г. по результатам конкурса был утвержден проект архитектурной композиции с фигурой Бандеры в центре и триумфальной аркой, символизирующей «четыре этапа борьбы украинцев за государственность»: Киевская Русь – казачество – Украинская и Западноукраинская Народные Республики 1918–1921 годов – ОУН и УПА.

Сам памятник должны были открыть еще в 2004 г., но тогда не хватило денег. Глава Львовского облсовета даже обратился к главам сельсоветов с просьбой собрать по 100 гривен с села. В конце концов большую часть средств (2 млн гривен) выделили из областного бюджета. Семиметровую бронзовую статую Бандеры открыли 13 октября 2007 года. Эта дата приурочена к 65-летию УПА (которая была создана решением ОУН 14 октября 1942 года, в праздник Покрова Богородицы, что в свою очередь отсылает к казаческим традициям считать Богоматерь покровительницей и заступницей). В открытии памятника приняли участие высокие львовские чиновники. У подножья статуи замуровали капсулы с землей из родного села Бандеры и его могилы в Мюнхене. Выступая на открытии памятника, глава Львовского облсовета Мирослав Сеник заявил, что это «народный памятник народному герою».

Львовский памятник выдержан в той же стилистике, что и другие постсоветские памятники Бандере. Постамент – высок, герой – сосредоточен и непоколебим, его слава – несомненна. Остальные постсоветские памятники Бандере выдержаны в тех же тонах, хорошо знакомых по советским монументам революционных деятелей. Иными словами, стилистика «аидеологических» памятников (а их перечень только в том же Харькове включает памятники влюбленным, скрипачу на крыше, футбольному мячу и т.д.), как правило, менее советская, чем идеологические монументы радикально антисоветского смысла в Галиции.

Из школьных учебников понятие «Великая Отечественная война» исчезло полностью и только в 1995 г., после вмешательства парламента, было туда возвращено. Однако несмотря на это, все изложение событий в учебниках не претерпело никаких изменений. Но, безусловно, достаточно однозначный учебник попал в плюралистическое пространство, где основной альтернативой национальной схеме были отдельные элементы советской мифологии, популизм и ностальгия, которые очень условно, следом за Джоном-Полом Химкой, можно назвать «постсоветской» идентичностью – невыразительно артикулированным набором представлений, доминантой которых является слабый интерес к национальному вопросу, но, при этом, принципиальная оппозиционность к эксклюзивному этническому национализму[13].

Говоря о первых годах независимости Украины, не стоит преувеличивать и сознательность сопротивления официальной линии, и сознательность самой официальной линии. Ключом к пониманию государственной политики того времени представляется осознание ее глубинной ситуативности, разнонаправленности. Поиск стратегий, позволивших легитимизировать Украину и ее постсоветскую элиту, но в то же время не вызвать национального, языкового, религиозного конфликта, с постоянной оглядкой на Россию, происходил буквально на ощупь.

Такой подход был доведен до совершенства президентом Леонидом Кучмой, очень любившим рассуждать о «многовекторности». Президент не только последовательно поздравлял украинцев со всеми советскими праздниками, но возобновил в 2000 г. на государственном уровне 23 февраля как «День защитника Отечества» и превратил 7 ноября в «День социальной гармонии». По мнению Виктории Середы, легитимизация советских праздничных дат в украинском календаре преследовала целью «снять конфликт между советской исторической идентичностью и новой украинской лояльностью»[14]. Вопрос о том, насколько это делалось осознанно, достаточно сложен, но, в любом случае, важны ретематизация советского, его «одомашнивание» и частичная деиделогизация, помноженные на расчет власти на позитивное восприятие ее решений постсоветским обществом.

Настоящим ноу-хау Кучмы стала регионализация символических исторических мероприятий. Юбилеи Западноукраинской народной республики и Даниила Галицкого были проведены во Львове; юбилей Владимира Щербицкого праздновали в Днепропетровске, а станцию метро «Комсомольская» переименовали в «Маршала Жукова» в Харькове. Очень важно подчеркнуть, что при Кучме вертикаль власти стала намного жестче, чем при Кравчуке, поэтому во всех перечисленных примерах инициатива и идея празднования исходила из центра и лишь реализовывалась в регионах. Причем иногда юбилеи, по идее обреченные на идеологический конфликт, праздновались параллельно, но в разных местах и были адресованы разной аудитории. Например, одновременно с 85-летием последнего первого секретаря ЦК КПУ Щербицкого, на время правления которого приходятся репрессии против диссидентов и Чернобыльская авария, в соответствии с указом Кучмы отмечался юбилей Вячеслава Черновола – диссидента, сидевшего при Щербицком в лагерях, а затем главы Народного Руха Украины и главного оппонента Кравчука на первых президентских выборах.

Столкнувшись с неразрешенным за первые три года независимости вопросом реабилитации воинов УПА и, шире, о оценке Второй мировой войны, Кучма и тут пустил в ход излюбленную амбивалентность. Ее апофеозом стало издание двух вариантов официальной, санкционированной президентским указом «Книги памяти Украины» с именами павших на фронтах. В одной части тиража в редакционную статью к последнему тому были включены слова о не-

оспоримой доказанности, что «ОУН и ее вооруженные формирования содержались и вели войну как наемники фашистской Германии против стран антигитлеровской коалиции и заклеймили себя как коллаборанты фашизма», в другой же части тиража эта вставка отсутствовала[15]. Разные адресаты получили разную историю!

Когда адресата обращений президента было сложно разграничить, на первый план выходило замалчивание проблемы. В своих юбилейных речах к 9 Мая Кучма старался избегать темы УПА и тем самым гораздо более широкой темы внутриукраинского конфликта (в его риторике украинцы были и остаются едины). Одновременно власти пытались использовать тему реабилитации УПА в сиюминутной политической борьбе. Еще 28 мая 1997 г. была создана правительственная комиссия по изучению истории ОУН и УПА. Рабочую группу историков при ней возглавил специалист по новейшей истории Украины и СССР Станислав Кульчицкий. Результат работы группы Кульчицкого является одним из немногих примеров диалога власти и профессиональной историографии по вопросу большой общественной значимости.

Предварительные выводы рабочей группы были опубликованы в 2000 г.[16], окончательные – уже в Украине без Кучмы в 2005 г.[17] По мнению Вильфрида Ильге, выводы содержат ряд «инновационных и самокритичных интерпретаций» (прежде всего, признание радикально националистической природы идеологии Организации украинских националистов) и свидетельствуют об отказе от «однозначной героизации ОУН и УПА». В то же время они вписывают украинское националистическое подполье в «умеренный» украиноцентричный нарратив, категорически отрицают сотрудничество повстанцев с Германией после 1943 г. и поддерживают идею «восстановления исторической справедливости» и официальное признание воинов УПА ветеранами Второй мировой войны[18]. В июле 2004 г. премьер-министр Анатолий Кинах предложил парламенту признать статус ветеранов воинов УПА. Это предложение не прошло, что, в частности, свидетельствует о недостаточной заинтересованности в нем Кучмы.

С приближением выборов 2004 г. в символической политике происходит резкий поворот в сторону России, свидетельством чему стал проведенный 28 октября 2004 в брежневском стиле парад в честь 60-летия освобождения Украины, с участием президента России Владимира Путина. Правда, как показали последующие события, вошедшие в историю как «оранжевая революция», это мероприятие имело, скорее, обратный эффект.

Президент Виктор Ющенко, по крайней мере, на вербальном уровне, проводил более последовательную, чем его предшественник, символическую политику. Риторическую стратегию его выступлений на темы, связанные со Второй мировой войной, определила доминанта примирения и единства нации[19]. Как и его предшественникам, стратегию примирения и единства Ющенко следовало применить к теме Второй мировой войны. Победу над фашизмом Ющенко свя-

зывает с государственностью («Наша Победа – это праздник украинской государственности»). Единство нации в войне постулируется если не в средствах борьбы, то в ее целях: «Олесь Гончар, Олена Телига, Олекса Берест[20] и много других – каждый из этих и миллионов других украинцев любили свое государство, свою Украину… Вся украинская нация в едином порыве боролась за свое государство». В этой цитате очень важны два момента. Во-первых, президент не конкретизирует, как он понимает слово «украинец», но перечисляет исключительно этнических украинцев. Во-вторых, в один ряд поставлены советский солдат, а позднее советский писатель Олесь Гончар и поэтесса, член Организации украинских националистов, расстрелянная немцами в Бабьем Яру, Олена Телига.

Декларируя единство нации в войне, Ющенко одновременно фактически признает, что такого единства не было: в обращении по случаю 63-ой годовщины УПА он подчеркнул: «Пришло время примирения и взаимного прощения в нашем обществе. Наши ветераны внесли свой вклад в уникальную победу во Второй мировой войне, в Великой Отечественной войне». Практика совмещений, интеграции казалось бы антагонистических символов – типична для речей Ющенко. В обращении к воинам УПА он использует советский идеологический конструкт «Великая Отечественная война», в обращении к советским ветеранам 9 Мая 2005 г. в перечне тех, кто, по мнению президента, мечтал о украинской государственности, наряду с Богданом Хмельницким, Владимиром Великим и Ярославом Мудрым, упомянут Иван Мазепа – архетипичный антигерой имперской и советской версий украинского прошлого. Верхом же интегративности является упоминание в одном перечне, в связи с тем же тезисом о единстве украинского народа в войне, генерала Николая Ватутина, убитого партизанами УПА, и главнокомандующего УПА Романа Шухевича.

Новацией речей Ющенко, по сравнению с выступлениями Кучмы, стало упоминание о холокосте (без вопроса об участии в нем украинцев) и советских репрессиях против крымских татар: «Убежден, что в этот день нуждаются в словах солидарности наши соотечественники – крымские татары, которых с особенных цинизмом коснулась и война, и послевоенные репрессии».

Ответом на призывы Ющенко к примирению ветеранов, воевавших во Второй мировой по разные стороны фронта, стало решение контролируемого Партией регионов Харьковского областного совета о демонтаже всех памятных знаков, связанных с ОУН и УПА, принятое в октябре 2006 г. Материализовали волю облсовета неизвестные, демонтировавшие 20 декабря того же года небольшой памятный знак УПА, установленный еще в 1992 г. в харьковском Молодежном парке. На следующий день местные газеты получили анонимное электронное письмо, на основании которого памятный знак был обнаружен в яме неподалеку от места демонтажа и восстановлен.

Более острый ответ на президентские инициативы предложил городской совет Симферополя, поддержав 21 июня 2007 г. инициативу Компартии и про-

российской организации «Родина» о установлении на центральной – Советской – площади памятника «жертвам советского народа, павшим от рук пособников фашистов» ОУН-УПА «Выстрел в спину». Инициаторы нового памятника объяснили свои мотивы так: «Данный памятник станет достойным ответом крымчан всем тем мракобесам, которые сегодня желают переписать, оклеветать историю советского народа, переврать летопись Великой Отечественной войны, предать забвению ее героев, внести смуту, призвать к примирению с пособниками фашистов вояками ОУН-УПА». 14 сентябре 2007 г. монумент был открыт при участии главы Компартии Петра Симоненко.

5 июля 2007 г. Харьковский облсовет поддержал симферопольских коллег и призвал «прекратить героизацию воинов УПА». Накануне депутаты облсовета от Прогрессивной социалистической партии Наталии Витренко высадили в харьковском сквере Победы десять саженцев голубой ели, заложив «аллею памяти жертвам украинского народа, погибшим от рук ОУН, УПА и иных пособников гитлеровского фашизма».

В украинских реалиях, когда социально-экономические программы основных политических сил фактически идентичны и тяготеют к максимальному плюрализму, исторические вопросы оказываются в роли идеальных маркеров политических разногласий. Именно поэтому проблематика памятников из года в год актуализируется с приближением предвыборных кампаний и идет на спад по их окончании. Степень цинизма, демонстрируемая в этой борьбе, возможно, парадоксальным образом объясняется тем, что история в постсоветской Украине остается пока что относительно безопасной сферой, т.е. тем пространством, где трудно представить превращение вербальной и символической неприязни в открытые насильственные действия.

И, тем не менее, предпринятые Ющенко попытки реструктуризации символического канона (более последовательные, чем инициативы Кравчука или Кучмы) не избавились полностью от привычной для украинской политики амбивалентности. Примером могут служить подписанные президентом Украины в один день – 26 марта 2009 г. – указы о создании нового государственного ордена «Креста Ивана Мазепы» и о награждении всех ветеранов юбилейной медалью «65 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Иными словами, достаточно очевидной особенностью постсоветской трансформации Украины представляется ее гетерогенность (по-прежнему до конца не продискутированная и не концептуализированная). В большинстве символических мероприятий, инициированных разными уровнями власти, достаточно легко прочитывается ситуативная политическая мотивация. Ритуализированные в неосоветском духе официальные мероприятия демонстрируют отсутствие перспективной стратегии и осмысленной идеологии. Тактика же состоит в постепенно все более глубоком осознании безуспешности широкой, надрегиональной общественной поддержки слишком однозначных формул. В то

же время спасительная многозначительность и симбиоз национального и советского нарративов не позволяют содержательно обсуждать и реализовывать на государственном уровне ни «украинскую национальную идею», ни принципы «политической нации». Эти концепты остаются прежде всего риторическими фигурами.

Разные лики войны (Послесловие)

Во всех трех странах, достаточно схематично описанных в данной статье, тема Второй мировой войны является одной из центральных для политик памяти и забвения. Главное отличие Украины от Беларуси и Молдовы состоит в региональном многообразии моделей памяти и последовательности (начиная с 1991 г.) схемы учебников истории. Главный же общий знаменатель трех стран в том, что некогда единый советский миф «Великая Отечественная война» национализируется (пусть даже подчеркнуто коммунистической или «антинациональной» властью) и адаптируется в соответствии с локальными ожиданиями и стремлениями. Именно эти вариации и модификации, как кажется, несут в себе чрезвычайно любопытную информацию про общества и власть трех соседних стран. Очень обобщенно траекторию развития всех трех стран (конечно, не забывая о принципиальных отличиях) можно описать как движение от более однозначных национальных схем через ресоветизацию к различным моделям политической нации и гражданской идентичности.

Примечания

1 Подр. о памяти белорусского общества о войне и ее различных формах см.: Смалянчук, А. Другая сусветная вайна ў памяці насельніцтва заходняга і ўсхадняга памежжа Беларусі // Pogranicza Białorusi w perspektywie interdyscyplinarnej / Pod red. E. Smułkowej, A. Engelking. Warszawa, 2007. S. 121–156; Шаталава, В. Цені вайны: паліцэйскія і партызаны ў памяці насельніцтва беларускай вёскі // Homo historicus. Вільня, 2008. № 1. С. 384–389 и др.

2 Подр. см.: Смалянчук, А. Школьны падручнік па гісторыі Беларусі як «месца памяці/месца забыцця» пра Другую сусветную вайну // Homo historicus. Вільня, 2008. № 1. С. 370–377. Ср.: Тихоміров А. Україна та українці на сторінках білоруських підручників з історії для середніх шкіл // Збірник Харківського історико-філологічного товариства. 2004. Т. 10. С. 348–357; Portnov A. Presenting the Past. Comments on History Textbooks in Belarus, Russia and Ukraine // Ukraine`s Reintegration into Europe: A Historical, Historiographical and Politically Urgent Issue / Ed. by G. Brogi Bercoff, G. Lami. Alessandria, 2005. P. 325–335.

3 Все цитаты А. Лукашенко приведены по официальному веб-сайту Президента Республики Беларусь http://president.gov.by

4 Смалянчук А. Школьны падручнік. С. 378–391.

5 Там же. С. 381.

6 См.: Терешкович П. Конструируя прошлое: исторические ресурсы современных национально-государственных идеологий (Украина и Молдова) // Перекрестки. 2005. № 1–2. С. 5–20; Кожокари Л. Проблема памяти и идентичности в посттоталитарных государствах. Пример Республики Молдова // Там же. № 3–4. С. 28–34.

7 Cojocari L. Political Liturgies and Concurrent Memories in the Context of Nation-Building Process in Post-Soviet Moldova: The Case of Victory Day // Interstitio. East European Review of Historical Anthropology. 2007. Vol. 1. No. 2. P. 91.

8 Cojocari L. Political Liturgies. P. 101.

9 Cojocari L. Political Liturgies. P. 109–110.

10 Solonari V. Narrative, Identity, State: History Teaching in Moldova // East European Politics and Societies. 2002. Vol. 16. No. 2. P. 415–446.

11 Подр. см.: Портнов А. Упражнения с историей по-украински (Заметки об исторических сюжетах общественно-политических дебатов в постсоветской Украине) // Ab Imperio. 2007. № 3. С. 94–110.

12 Об искусственности и упрощенном использовании понятий «Западная Украина», «Восточная Украина», а также о серьезных отличиях в середине этих внешне гомогенных территорий см.: Rodgers P. Division, Difference and Diversity: Regionalism in Ukraine // Україна Модерна. 2007. Спеціяльний випуск. Львів – Донецьк: Соціяльні ідентичності в сучасній Україні. Київ – Львів. 2007. С. 210–236; Журженко Т. Миф о двух Украинах // Перекрестки. 2005. № 3–4. С. 108–117; Михеева О. Не все так просто з тими українцями... // Отечественные записки. 2007. № 1. С. 97–106 и др.

13 Himka J-P. The Basic Historical Identity Formations in Ukraine: A Typology // Harvard Ukrainian Studies (в печати). Цитируется с разрешения автора.

14 Середа В. Особливості репрезентації національно-історичних ідентичностей в офіційному дискурсі президентів України і Росії // Соціологія: теорія, історія, маркетинг. 2006. № 3. С. 194.

15 См.: Сербин Р. Боротьба за історичну пам'ять українського народу. К., 1995.

16 Проміжний звіт робочої групи для підготовки історичного висновку про діяльність ОУН-УПА (попередній варіант). К., 2000.

17 ОУН і УПА. Фаховий висновок робочої групи істориків при урядовій комісії з вивчення діяльності ОУН і УПА. К., 2005.

18 Jilge W. The Politics of History and the Second World War in Post-Communist Ukraine (1986/1991–2004/2005) // Osteuropa. 2006. № 1. S. 73–74.

19 Последнее слово особо весомо – Ющенко еще во время предвыборной кампании решительно отдал предпочтение термину «нация». Янукович, в ответ, говорил о «многонациональном народе Украины». В обоих случаях политики не рационализировали свое словоупотребление, ориентируясь на интуивное восприятие самих слов. Если для части украинцев слово «нация» было мило слуху как элемент национальной риторики, другими оно воспринималось как проявление «национализма» в отличии от имеющего советскую санкцию слова «народ».

20 Лейтенант Олекса Берест был третьим (кроме Егорова и Кантарии) участником водружения Красного знамени над рейхстагом, не попавшим в советский канон. Когда он слишком бурно потребовал признания своей роли, то был осужден к 5 годам лишения свободы за хулиганство. 6 июня 2005 г. президент Ющенко присвоил Бересту звание «Герой Украины» (посмертно).